

ОМАР ХАЙЯМ

ОМАР ХАЙЯМ
РУБАИ

Иллюстрации
Павла
Бунина

Санкт-Петербург

УДК 821.222.1
ББК 84(0)4
О 57

Перевод

К. Бальмонта, Ц. Бану, В. Державина,
В. Зайцева, Ф. Корша, Б. Розенфельда,
Гл. Семенова, А. Старостина, И. Тхоржевского

Статья, состав и примечания М. Рейснер

Оформление обложки В. Пожидаева

© Ц. Бану (наследник), перевод, 2018
© В. Державин (наследник), перевод, 2018
© В. Зайцев, перевод, 1986
© Б. Розенфельд (наследник), перевод, 2018
© Гл. Семенов (наследники), перевод, 2018
© И. Тхоржевский (наследник), перевод, 2018
© М. Рейснер, состав, статья, примечания,
словарь, 2018
© П. Бунин (наследник), иллюстрации, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-07536-8

МУДРЕЦ ИЗ НИШАПУРА

Хайяма-мудреца вино и стих бодрит,
И с нами честен он, и с Богом не хитрит.
И строго он судить не станет тех, кто ныне
О нем и за него по-русски говорит.

Во всем мире Омара Хайяма знают и чтут как поэта, автора изящных и точных по форме и глубоких по мысли рубаи, создателя знаменитого «Рубайата». Однако у себя на родине, в Иране, поэт первоначально стал известен как выдающийся ученый — астроном, математик, физик и философ. Не случайно уже при жизни поэта земляки наградили его почетными титулами «Доказательство Истины» и «Царь философов Запада и Востока», а в средневековых исторических сочинениях и ученых трактатах, упоминающих Хайяма, его именуют мудрецом (*хаким*). Очевидно, поэтому большинство сведений о Хайяме, содержащихся в средневековых источниках касается, прежде всего, его ученых занятий и карьеры придворного астролога.

Достоверными данными о творческом пути Хайяма как поэта его биографы не располагают. Даже легендарных историй, которые являлись неотъемлемой частью биографической литературы о знаменитых стихотворцах на мусульманском Востоке, о Хайяме не сохранилось. Естественно, возникает законный вопрос: считался ли вообще Хайям у себя на родине поэтом? Нет, его поэтом не признавали, хотя вообще обойти молчанием стихи средневековые историки не смогли. Однако они ограничивались скупыми высказываниями типа «у него много хороших арабских и персидских стихов», «ему принадлежат

всему свету известные трактаты и несравненные стихи». В то же время в исторических и биографических сочинениях приводятся всего лишь одно большое стихотворение и шесть его четверостиший.

Таким образом, главным источником для жизнеописания поэта могут служить лишь книги, известные в Средневековье как «истории мудрецов». Вместе с поэтическими антологиями (*тазкире*) «истории мудрецов» явились разновидностью средневековой биографической литературы. Наряду с достоверными данными здесь приводились легендарные истории и анекдоты, призванные внести в сухой биографический рассказ элемент занимательности, что, впрочем, не исключало веры рассказчика и читателя в их абсолютную подлинность.

Для современных читателей Хайяма эти сведения интересны тем, что они раскрывают перед нами некоторые черты психологического облика создателя «Рубайата», дают ключи к пониманию его взаимоотношений с миром, углубляют представления о том, как оценивали личность Хайяма люди его эпохи. Используются материалы «историй мудрецов» и в предлагаемой ниже биографии Хайяма.

Омар Хайям родился в 1048-м или несколькими годами раньше в восточноиранском городе Нишапуре. О том, кто были его родители и чем занимались, никаких сведений не сохранилось. Однако литературное имя поэта — Хайям, что в переводе означает «палаточных дел мастер», — указывает на то, что будущий поэт происходил из сословия ремесленников. Впрочем, семья, как видно, располагала достаточными средствами, чтобы обеспечить способному мальчику возможность получать образование в престижных учебных заведениях того времени. Омар Хайям закончил в Нишапуре высшее духовное заведение типа семинарии (медресе), которое по тем временам считалось одним из лучших в Иране и готовило в своих стенах священнослужителей и чиновников высокого ранга. Свое образование Хайям продолжил потом в Самарканде и Балхе, крупных культурных центрах Средней Азии и Хорасана.

За годы учения Хайям овладел всеми науками, традиционно включаемыми в круг образованности средневекового мусульманина, — математикой, физикой, астрономией, философией, теософией, правоведением, а также историей, корановедением и основами стихосло-

жения. Сохранились также свидетельства о том, что поэт был сведущ в науке врачевания и искусен в предсказаниях по звездам. В совершенстве изучив арабский язык, который являлся языком священного писания ислама, языком книжности и науки, Хайям со временем стал настоящим знатоком арабской и персидской поэзии. Увлекался поэт и изучением теории музыки.

Следует заметить, что тогдашняя система образования была построена на заучивании наизусть большого количества арабских и персидских текстов. Обладавший незаурядной памятью Хайям, чтобы усвоить такой объем знаний, был вынужден прибегать к специальной тренировке. Об этом повествуется в одной из легенд о нем. Рассказывают, что в годы своего учения Омар отправился в Исфахан, где молодого ученого привлекла возможность познакомиться с очень важным для его занятий научным трудом (поздние исследователи утверждают, что это был арабский перевод «Альмагеста», основополагающего труда древнегреческого астронома и географа Птолемея). Будучи не в состоянии приобрести ценную рукопись, Хайям решил хотя бы снять с нее копию. Историк XI века Бейхаки говорит об этом так: «...он внимательно прочел... книгу семь раз подряд и запомнил ее наизусть, а возвратившись в Нишапур, он продиктовал ее, и, когда сравнили это с подлинником, между ними не нашли большой разницы». Помимо Птолемея, Хайям изучал также научные труды Архимеда, Евклида и Аристотеля. Работы корифеев античной науки переводились на арабский язык и комментировались выдающимися мусульманскими учеными-энциклопедистами ал-Фараби, Абу Али ибн Сина (Авиценна), которого Хайям даже считал своим учителем.

Первый успех на научном поприще пришел к Хайяму в двадцатипятилетнем возрасте после написания «Трактата о доказательствах проблем алгебры и ал-мукаббалы». Это серьезное исследование поставило его в ряд выдающихся математиков того времени. Сразу же Хайям становится придворным ученым, которому оказывают покровительство правители-меценаты. До 1074 года он служит при дворе наследного принца в Бухаре, а затем получает приглашение ко двору могущественного правителя династии Сельджукидов Малик-шаха (правил в 1072–1092 гг.) в Исфахан, бывший в то время столицей

персидского государства. Здесь, в Исфахане, и начинается двадцатилетний период наиболее плодотворной научной деятельности Хайяма. По настоянию шахского визиря, умного и просвещенного Низам ал-Мулка, в распоряжение Хайяма передается одна из крупнейших в средневековом мире обсерваторий — исфаханская. Здесь Хайяму с группой «лучших астрономов века» удастся разработать новый календарь, в основу которого был положен тридцатитрехлетний период, включавший восемь високосных годов, которые следовали семь раз через четыре года и один раз через пять лет.

Названный в честь высочайшего покровителя малик-шаховым, этот календарь отличался более высокой по сравнению с григорианским календарем точностью. К сожалению, реформа системы летоисчисления, предложенная Хайямом, так и не была проведена, а бесценные «Астрономические таблицы Малик-шаха», в которых подводился итог многолетних наблюдений его обсерватории за движением небесных тел, были безвозвратно утрачены. Не сохранился и трактат Хайяма по математике, в котором предлагался метод извлечения корней из целых чисел, а также выводилась формула, получившая впоследствии название бинома Ньютона. Считается, что в своих тогдашних работах по математике Хайям обогнал современную ему европейскую науку не менее чем на 500 лет...

Невероятно высок был авторитет Омара Хайяма и как придворного астролога. Характерный случай, доказывающий это, описывает лично знавший Хайяма Низами Арузи Самарканди, перу которого принадлежало интереснейшее дидактическое сочинение «Собрание редкостей, или Четыре беседы». В этой книге рассказывалось о четырех важнейших придворных профессиях: секретарях, астрологах, поэтах и врачах. Сведения об Омаре Хайяме включены в главу об астрологах. Автор повествует, что однажды астрологи при дворе Малик-шаха были заподозрены в том, что намеренно искажают смысл звездных предсказаний. Шах уже готов был обрушить на головы своих слуг жестокие кары, но те в качестве последнего довода стали умолять повелителя срочно послать гонца с их гороскопами «в Хорасан, к великому Омару. Что он скажет?». Упоминание имени великого звездочета смягчило сердце шаха и отвело грозу от его подданных.

Тот же Низами Арузи приводит еще один пример искусства Хайяма-астролога. Однажды правитель города Мерв попросил «ходжу имама Омара» определить наиболее благоприятный час для его выезда на охоту. Хайям выполнил просьбу высокого заказчика, но когда султан сел на коня и проехал расстояние в один петушиный крик, набежала туча и поднялся снежный вихрь. Все засмеялись, и султан хотел уже повернуть назад, но ходжа имам Омар сказал: «Пусть султан успокоит сердце. Туча сейчас разойдется, и в эти пять дней не будет никакой влаги». Султан поехал дальше, и туча рассеялась, и в эти пять дней никто не видел ни облачка. Никто из окружающих Хайяма, включая и самого Низами Арузи Самарканди, очевидно, не подозревал о метеорологических познаниях Хайяма... Впрочем, достаточно характерна авторская ремарка, которой Низами Арузи Самарканди предваряет приведенный рассказ: «Хотя я был свидетелем предсказаний Доказательства Истины Омара, однако в нем самом я не видел никакой веры в предсказания по звездам».

Плодотворный во многих отношениях исфаханский период Хайяма обрывается с гибелью его главного покровителя при шахском дворе визиря Низам ал-Мулка, павшего от руки фанатика-убийцы. А при достаточно загадочных обстоятельствах вскоре умирает и султан Малик-шах. Вокруг престола Сельджукидов разворачивается ожесточенная борьба. Внимание наследников сосредоточивается на борьбе за власть, сопровождавшейся междоусобными распрями, обсерватория приходит в запустение, работы в ней прекращаются. В предисловии к одному из алгебраических трактатов (сам труд написан Хайямом еще в молодые годы) поэт горько сетует на участь «людей науки» своего времени: «...мне сильно мешали невзгоды общественной жизни. Мы были свидетелями гибели людей науки, число которых сведено сейчас к незначительной кучке, настолько же малой, сколь велики ее бедствия, на которую суровая судьба возложила большую обязанность посвятить себя в эти тяжелые времена усовершенствованию науки и научным исследованиям».

Столь откровенное высказывание нечасто встретишь в средневековых сочинениях, авторы которых в абсолютном большинстве случаев предпочитали выражать свои взгляды в иносказательной

манере. Приведенные слова Хайяма могли бы послужить своеобразным эпиграфом ко второй половине его жизни, полной лишений и трагического одиночества.

После смерти Малик-шаха фактической правительницей государства стала его вдова Туркан-хатун. Хотя положение Хайяма при шахском дворе стало непрочным, он еще некоторое время оставался в Исфахане, выполняя обязанности астролога и врача царицы. Однако вести работу в обсерватории без монаршего покровительства и материальной поддержки становилось все труднее. К тому же Туркан-хатун не могла простить ученому доверительных отношений с покойным визирем, которого она, видимо, недолюбливала. Таким образом, конец придворной карьеры Омара был неизбежен. Биографы Хайяма связывают его с одним из эпизодов врачебной практики при дворе и относят к 1097 году. Младший сын Малик-шаха Санджар, будущий правитель сельджукидской державы, заболел ветряной оспой, и Хайям неосторожно высказал опасение за его жизнь. Один из слуг тотчас же передал одиннадцатилетнему наследнику слова лейб-медика, и царевич, истолковав их как предсказание, затаил против Хайяма злобу. По всей вероятности, неприязненное отношение царевича и послужило основной причиной отъезда ученого из Исфахана. С отъездом Хайяма город постепенно стал терять свое значение научного центра, обсерватория была закрыта, а вскоре и сама столица Сельджукидов была перенесена в Мерв.

Фактически изгнанному Хайяму не остается ничего другого, как вернуться в свой родной город Нишапур, где он и проведет остаток своих дней. Всего лишь несколько раз Хайям покинет Нишапур — в одном случае его целью станут краткие поездки в Бухару и Балх,

в другом — длительное путешествие через весь Ближний Восток, паломничество в Мекку. В последние годы Хайям ведет замкнутый образ жизни. Преподавание в медресе, где он имеет свою кафедру, позволяет ему общаться с ограниченным кругом учеников. Изредка встречается с приезжающими в Нишапур учеными, еще реже снисходит до участия в философских диспутах. И только в исключительных случаях откликается на просьбы о составлении астрологических прогнозов, — по-видимому, именно о таком исключении и идет речь в свидетельстве Низами Арузи Самарканди, относящемся к 1114 году. Тогда к Хайяму обратился не слишком к нему благоволивший султан Санджар, но передал он просьбу через своего великого визиря, приходившегося внуком погибшему покровителю Хайяма Низам ал-Мулку. Из этого эпизода можно заключить, что буквально до последних дней жизни авторитет Хайяма-астролога по-прежнему оставался чрезвычайно высоким, и обратиться к нему можно было лишь с помощью узкого круга друзей. Впрочем, для столь осторожного отношения к любым контактам с кругом сильных мира сего у Омара были все основания. В нишапурские годы к славе выдающегося ученого и мудреца он сумел прибавить славу крамольного философа — опасного вольнодумца и вероотступника, так что любой промах в общении с представителями духовной или светской власти мог стоить ему свободы и даже жизни. Свои настроения тех лет Хайям точно передал в стихах, сложенных по-арабски:

Доволен пищей я, и грубой и простою,
Но и ее добыть могу я лишь с трудом.
Все преходяще, все случайно предо мною,
Давно нет встреч, давно уж пуст мой дом.
Решили небеса в своем круговращенье
Светила добрые все злыми заменить.
Но нет, душа моя, в словах имей терпенье,
Иль головы седой тебе не сохранить.

(Перевод Б. Розенфельда)

Философией Хайям занимался не столь углубленно, сколь точными науками, и объем его трудов в этой области невелик. Философские трактаты его немногочисленны и лаконичны — большинство из

них было создано автором в ответ на просьбы разных светских и духовных лиц изложить в доступной форме ключевые вопросы мироздания и человеческого бытия. Естественно, что в этой области знаний Хайям не создал целостной концепции, однако, по отзывам специалистов, его труды отличаются строгостью научных суждений и оригинальностью догадок и гипотез. Будучи последователем Абу Али ибн Сины, в своих философских построениях Хайям в основном придерживался его системы изложения основ средневековой «царицы наук» и опирался на положения главного энциклопедического труда своего учителя — «Книги об исцелении». Любопытно, что в области научного языка Хайям выступил новатором. Он был одним из первых философов, использовавших в своих сочинениях персидский язык. В частности, он сделал перевод с арабского одного из трактатов Абу Али ибн Сины, то есть попытался нарушить монополию арабского языка в сфере средневековой мусульманской учености и заложить основы персидской научной речи. По-видимому, ему были известны философские сочинения религиозного философа и поэта Насира Хосрова (1004 — после 1072), известного проповедника исмаилитской доктрины в иранском мире. Он являлся автором нескольких философско-религиозных трактатов, написанных на персидском языке.

В учениях восточных перипатетиков (аристотелианцев), к числу которых принадлежали и Абу Али ибн Сина и Хайям, уживались элементы разных философских систем, таких как неоплатонизм, пифагорейская мистика чисел, стоицизм и т. д. По мнению современных историков философии, Хайям по сравнению со своим предшественником Авиценной усилил материалистическую составляющую в своих теоретических построениях. Именно это послужило причиной обвинений в адрес ученого в последний период его жизни, а также позволило средневековым теологам (начиная с XIII века) причислять его к философской школе «натуралистов» (*дахри*), как называли тогда на мусульманском Востоке материалистов или атеистов. Умонастроения Хайяма-философа достаточно четко прослеживаются в его трактатах, однако сложный язык научной прозы позволял автору оставаться неуязвимым для мусульманской ортодоксии, которая всегда чувствовала в его идеях угрозу. Когда в средневековых со-

чинениях встречаются выпады в адрес Хайяма как человека опасного для людей веры, вероятнее всего, имеются в виду его четверостишия, в которых те же идеи выражены гораздо более ярко и открыто. Судя по всему, ученый сочинял стихи всю жизнь, адресуя их лишь самому себе и чрезвычайно узкому кругу ближайших друзей и учеников. Тому, что тайные стихотворные опыты Хайяма в конце концов стали достоянием гласности, он, очевидно, обязан самой форме *рубай*. Персидское четверостишие по самой своей природе предназначено для устного распространения и бытования, поэтому выдающийся отечественный востоковед Е. Э. Бертельс назвал его «одной из наиболее летучих форм персидской поэзии». Если речь идет о *рубай*, то «утечка информации» возникает практически сама собой, поскольку, по словам того же Е. Э. Бертельса, эта поэтическая форма «выполняет в Иране до известной степени роль нашей частушки». Для своих логически выстроенных философских афоризмов и дерзких эпиграмм Хайям выбрал «простонародную» форму поэзии, которая в его время была достаточно скромно представлена среди жанров придворной поэзии. При дворе *рубай*, как и газели, видимо, исполнялись вокально и бытовали в качестве одной из разновидностей любовной поэзии, предназначенной для увеселения и улаждения слуха. Гораздо более широкое распространение *рубай* получили в среде мусульманских мистиков, суфиев, которые исполняли *рубай* в ходе своих ритуалов.

В четверостишиях Хайяма в полной мере проявилось не только его мировоззрение, но и характерные черты его личности. Будучи человеком замкнутым и самоуглубленным, «скупым в сочинении книг и преподавании» (как свидетельствовал его младший современник историк Бейхаки), «имам Омар» становился невероятно резким в своих высказываниях и поступках, когда речь шла о лжи, лицемерии, несправедливости. Его дерзкого и злого языка не без причины могли опасаться, однако, пока он находился под покровительством Маликшаха и Низам ал-Мулка, у его недоброжелателей были связаны руки. После возвращения в Нишапур, лишенный сильных покровителей, Хайям становится удобной мишенью для ревнителей ислама, у которых и его крамольные философские взгляды, и хлесткие стихи вызвали постоянное раздражение. Ироничный и неуживчивый, Хайям без колебания и страха публично высмеивал своих гонителей,

среди которых часто оказывались духовные лица высокого ранга. Вот какой рассказ передает историк XIII века Закарийя Казвини, повествуя о событиях жизни Хайяма в Нишапуре: жил в городе некий *факих*, знаток мусульманского права, пожелавший присоединиться к группе учеников Омара Хайяма. По утрам уважаемый законовед исправно посещал уроки и внимал учителю, однако в свободное от занятий время поносил своего наставника на всех перекрестках. Прослышав об этом, Омар решил проучить зарвавшегося ученика и поступил так. Однажды утром он велел собрать перед своим домом трубачей и барабанщиков. Стоило только *факиху* приблизиться к дому учителя, Хайям подал знак, чтобы трубили в трубы и били в барабаны. Когда же около дома собралась изрядная толпа, Омар обратился к горожанам с такой речью: «Нишапурцы! Вот вам ваш ученый. Он ежедневно в это время приходит ко мне и постигает у меня науку, а среди вас говорит обо мне так, как вы знаете. Если я действительно таков, как он говорит, то зачем он заимствует у меня знания? Если же нет, то зачем поносит своего учителя?»

О скептическом отношении Хайяма к достоинствам духовных лиц свидетельствует еще один не лишенный ехидства анекдот, приведенный средневековым историком в качестве доказательства того, что Омар верил в переселение душ. «Рассказывают, — говорит историк, — что в Нишапуре была старая семинария (медресе), и для ее починки ослы возили кирпичи. Однажды Хайям шел с учениками по двору и увидел, что один из ослов никак не может войти внутрь. Заметив это, мудрец улыбнулся и, направившись к ослу, произнес экспромтом:

Ты ушел, но вернулся в сей мир бессловесным скотом,
Твое имя, известное прежде, меж других затерялось потом,
Твои ногти срослись воедино — копытами стали,
Борода твоя выросла сзади и стала хвостом.

(Перевод М. Рейснер)

Осел вошел, и тогда мудреца спросили, что послужило тому причиной. Омар ответил: «Дух, вошедший в тело этого осла, обитал в теле наставника этой семинарии, вот почему он не мог войти внутрь; теперь, когда он понял, что сотоварищи его узнали, сам по необходимости прошел во двор».

Однако этим забавным средневековым байкам явно будет не доставать остроты и язвительности, если сравнить их с таким четверостишием Хайяма:

Красотку шейх корил: «Пьяна совсем,
Сегодня этим бредишь, завтра — тем...»
— «Я такова, — сказала, — ты таков ли,
Каким желаешь показаться всем?»

(Перевод Ц. Бану)

Даже беглый обзор средневековых сообщений об Омаре Хайяме позволяет выявить некоторую закономерность в эволюции оценок его натуры: свидетельства Низами Арузи Самарканди и Бейхаки (1106–1174), знавших его лично, проникнуты не просто преклонением перед достоинствами великого ученого, но и чисто человеческой симпатией и восхищением; более поздние сведения, сложившиеся в форму сводных биографий и включенные в сочинения типа «историй мудрецов», отличаются сочетанием традиционных формул

восхваления его учености и резко отрицательными оценками его как личности. Упоминание о таких чертах характера Хайяма, как замкнутость, скрытность и даже некоторое высокомерие, проявлявшееся в скупой и лапидарной манере сочинения и преподавания, в нежелании подробно объяснять ученикам непонятное, имеется уже у Бейхаки. Тем не менее только у поздних историков личные качества Хайяма подвергаются открытому осуждению и служат основой для обвинений в нарушении норм шариата и вероотступничестве.

Первый после Бейхаки историк, сообщая сведения об Омаре Хайяме в своей «истории мудрецов», Мухаммад Шахразури начинает посвященный ему раздел такими строками: «Омар Хайям нишапурец по происхождению и рождению, он был равен Абу Али ибн Сине (Авиценна) в науках философских, но был дурного нрава, почему его менее посещали люди науки». Рассказывая о другом ученом, астрономе и механике Абу-л-Хатеме Музаффаре Исфизари (кстати, близко знакомом с Хайямом, судя по словам Низами Арузи Самарканди), тот же автор подчеркивает, что «с учениками и слушателями он был приветлив и ласков в противоположность Хайяму». При этом у Шахразури еще отсутствуют в полном объеме мотивы осуждения поступков Хайяма с точки зрения религиозной морали, хотя намеков на них можно усмотреть и в одном небольшом рассказе, в котором повествуется о том, как к Хайяму явился некий ученый и задал ему вопрос, касающийся астрономии. Омар Хайям начал объяснять, но «поскупился на беседу по предмету вопроса — таков был обычай этого уважаемого старца». В это время до слуха их донесся призыв к полуденной молитве. «Пришла истина, и исчезла ложь», — сказал посетитель и встал. Притом что в анекдоте нет прямых нападок на Хайяма, тон его вполне соответствует последующим представлениям о богопротивной натуре ученого.

Ярче всего такое мнение о Хайяме отразил арабоязычный историк Джамал ад-Дин ал-Кифти (1172–1231), чье сообщение о Хайяме стало хрестоматийным и часто цитировалось. Оно гласит: «Омар ал-Хайям — имам Хорасана, ученейший своего времени, который преподает науку греков и побуждает к познанию Единого (Бога) посред-

ством очищения плотских побуждений ради чистоты души человеческой и велит обязательно придерживаться идеальных между людьми отношений согласно греческим правилам. Позднейшие суфии обратили внимание на кое-какие внешние свойства его поэзии и это внешнее применили к своему учению и приводили в доказательство на своих собраниях и в уединенных беседах. Между тем сокровенный смысл его стихов — жалящие змеи для шариата в виде множества всеохватывающих вопросов. Когда же современники очернили веру его и раскрыли те тайны, которые он скрывал, он убоился за кровь свою, взял в руки узду своего языка и пера и совершил *хадж* по причине боязни, а не по причине богобоязненности... Когда прибыл он в Багдад, поспешили к нему его единомышленники по части древней науки, но он преградил им вход преградой раскаявшегося, а не собрата по пирам. И вернулся он из паломничества в свой город, посещая утром и вечером место поклонения и скрывая тайны свои, которые неизбежно откроются. Не было ему равных в астрономии и философии — и в этих областях он стал притчей во языцех. О, если бы дарована ему была способность избегать неповиновения Господу! Есть у него разлетающиеся с быстротою птиц стихи, которые обнаруживают его тайные помыслы, несмотря на все их иносказания...»

Обвинительный тон ал-Кифти не мешает нам насладиться удивительной картинностью и точностью его сообщения, дающего законченное представление об атмосфере религиозной травли и страха, которая окружала Хайяма в его поздние годы. Заслуживает особого внимания тот факт, что ал-Кифти упоминает поверхностные, с его точки зрения, попытки суфиев истолковать стихи Хайяма в аллегорическом ключе. Стремление увидеть в Хайяме чистого духом искателя Божественной истины было вполне естественным, поскольку суфии активно пользовались формой *рубайи* и в своих религиозных сочинениях, и ритуальной практике. Среди четверостиший, которые традиционно включают в «Рубайат», действительно встречаются и такие, которые легко поддаются суфийской интерпретации. Тем не менее критерии объективности не позволили средневековому историку ал-Кифти признать в философе Хайяме сторонника мистического познания Бога.

Действительно, может ли считаться истинно «влюбленным в Бога» тот, о ком сложили такую легенду? Рассказывают, что однажды во время дружеской пирушки на лоне природы Хайям читал свои стихи. Когда прозвучало одно из самых дерзких четверостиший, внезапно налетевший порыв ветра опрокинул кувшин, лишив сотрапезников драгоценного вина. Раздосадованный Хайям тут же сложил экспромт:

Ты налетел, Господь, как ураган:
Мне в рот горсть пыли бросил, мой стакан
Перевернул и хмель бесценный пролил...
Да кто из нас двоих сегодня пьян?

(Перевод И. Тхоржевского)

Далее легенда гласит, что Бог не выдержал такого святотатства и заставил лицо поэта почернеть. Но и это зловещее знамение не смирило дерзкого богохульника, и он ответил Небесам еще одним экспромтом:

На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а Ты нас злом караешь,
Меж нами и Тобой различья нет почти.

(Перевод О. Румера)

Хайям, как гласит легенда, одержал верх в этом споре: он пристыдил Творца за несправедливость, и лицо его вновь обрело прежний вид.

Но это лишь народная молва, а если представить эпоху, в которую жил Хайям, во всей полноте социальной, идеологической и культурной жизни, следует считать с тем, что мистические течения, набравшие силу внутри ислама, особенно суфизм, играли все более значительную роль в формировании моральных идеалов образованного сословия. Потаенный поэтический язык мистиков включал целый пласт жизнелюбивых мотивов и образов, которые широко использовал в своих четверостишиях и Омар Хайям. При этом вопрос об истинном смысле этих мотивов и образов в его поэзии остается открытым. Некоторые востоковеды придерживаются мнения, что в последние годы своей жизни престарелый ученый склонился к мистическому мирозерцанию, о чем, казалось бы, прямо свидетельству-

ет концовка одного из его поздних трактатов. Подразделив всех, кто стремится к познанию Бога, на четыре категории (ученые-богословы, философы и мудрецы, исмаилиты и суфии), Хайям признает мистический путь общения с Богом предпочтительным. В том же духе рисуется нам великий мыслитель в преддверии своей кончины. Рассказ о последних часах жизни Хайяма передает уже знакомый нам Бейхаки со слов зятя ученого. В нем говорится, что однажды во время чтения «Книги об исцелении» Абу Али ибн Сины Хайям почувствовал приближение смерти (а было ему тогда уже за восемьдесят). Остановился он в чтении на разделе, посвященном труднейшему метафизическому вопросу и озаглавленном «Единое и множественное», заложил между листов золотую зубочистку, которую держал в руке, и закрыл фолиант. Затем он позвал своих близких и учеников, сделал завещание и после этого уже не принимал ни пищи, ни питья. Исполнив молитву на сон грядущий, он положил земной поклон и, стоя на коленях, произнес: «Боже! По мере своих сил я старался познать Тебя. Прости меня! Поскольку я познал Тебя, постольку я к Тебе приблизился». С этими словами Хайям и умер.

Ранние биографы не называют точную дату его смерти, в поздних антологиях чаще всего приводится 1123 год. Существует еще один рассказ, связанный одновременно с мотивами предсказаний Хайям-звездочета и с обстоятельствами его кончины. Эту историю поведал автор «Четырех бесед», являвшийся свидетелем и в значительной мере героем происшедшего, который, кстати, называет годом смерти Хайяма 1132-й. Вот этот эпизод: «В году 1113-м в Балхе, на улице Работорговцев, в доме Абу Сайда Джарре остановились ходжа имам Хайям и ходжа имам Музаффар Исфизари, а я присоединился к услужению им. Во время пиршества я услышал, как Доказательство Истины Омар сказал: „Могила моя будет расположена в таком месте, где каждую весну ветерок будет осыпать меня цветами“. Меня эти слова удивили, но я знал, что такой человек не станет говорить пустых слов. Когда в году 1136-м я приехал в Нишапур, прошло уже четыре года с тех пор, как тот великий закрыл лицо свое покрывалом земли, и низкий мир осиротел без него. И для меня он был наставником. В пятницу я пошел поклониться его праху и взял с собой одного

человека, чтобы он указал мне его могилу. Он привел меня на кладбище Хайре. Я повернул налево и у подножия стены, огораживающей сад, увидел его могилу. Грушевые и абрикосовые деревья свесились из этого сада и, распростерши над могилой цветущие ветви, всю могилу его скрыли под цветами. И пришли мне на память те слова, что я слышал от него в Балхе, и я разрыдался, ибо на всей поверхности земли и в странах Обитаемой четверти я не увидел бы для него более подходящего места. Бог, святой и всевышний, да уготовит ему место в райских кущах милостью своей и щедростью!» (перевод С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной).

«Самая летучая форма персидской поэзии»

(Омар Хайям и традиция *рубай*)

Чтобы понять, сколь значительным оказался вклад Хайяма в традицию *рубай*, надо ответить на вопрос, чем было четверостишие до него. Представляя собой одну из древнейших форм персидской поэзии, оно пришло в письменную литературу из устного народного творчества, а не было заимствованием из арабской литературы, как, например, *касыда* или *газель*.

Рубай (иначе его называют *таране*) до сих пор является широко распространенной формой фольклорной поэзии в Иране, Афганистане, Средней Азии. В фольклоре четверостишие — это, как правило, любовный куплет, исполняемый от лица юноши или девушки. Вот, к примеру, одно из четверостиший, записанных в Ширазе в середине нашего века:

Два яблока, два апельсина пошлю тебе
И два граната в цвет рубина пошлю тебе,
А если буду знать наверно, что держишь слово,
И сердце собственное выну, пошлю тебе.

(Перевод А. Ревича)

Встречаются также «профессиональные» четверостишия, слагаемые и передаваемые погонщиками караванов, длительное время странствующими вдали от дома. Эти стихи называются *чужбинны-*

ми (*гариби*) и, естественно, имеют свой устойчивый круг лирических тем, главным образом ностальгических, разлучных. Часто четверостишия, бытующие устно, складывались в большие тематические циклы, которые исполнялись под музыку как песни. В городском фольклоре четверостишие нередко использовали в шутливых перебранках и фривольных ремесленных «припевках», именуемых *шахр-ашуб* («городские смутьяны»). Мода на эту тематику постепенно проникла и в письменную литературу. В частности, цикл стихотворений в жанре *шахр-ашуб* сложил поэт Масуд Саад Салман, творивший в Северо-Западной Индии (Лахор) на рубеже XI–XII веков. Эту же тему развивала в своих стихах поэтесса Мехсити, современница Хайяма, жившая на территории нынешнего Азербайджана и воспевавшая своих возлюбленных в образах юных подмастерьев разных ремесленных цехов. Приведем одно из ее четверостиший, лишенное, правда, характерной ремесленной терминологии, зато вполне передающее дух ее поэзии:

Желанный ли гость колосок там, где рдеют тюльпаны?
На розы взглянув, любоваться шипами не стану.
Зачем же, юнец, бороною курчавой гордишься?
Пусть щеки твои будут схожи с зарею румяной.

(Перевод В. Бугаевского)

Однако той же поэтессе, героине легкомысленных и фривольных литературных анекдотов, приписывались и четверостишия совершенно в духе Хайяма. Вот одно из них:

Ты спьяна выронил кувшин вчера из рук,
О камень грохнувшись, заговорил он вдруг:
— Стал грудой черепков в единый миг, хоть я
Таким же, как и ты, был только что, мой друг.

(Перевод В. Бугаевского)

Приведенный пример свидетельствует лишь о том, что *рубайи* Хайяма благодаря скорости устного распространения стали популярными и вызвали массу подражаний еще при его жизни. Именно это в небольшой степени способствовало возникновению такого литературно-

го явления, как «странствующие» четверостишия. На столь редкий в письменной авторской поэзии феномен обратил внимание один из первых русских исследователей творчества Хайяма В. А. Жуковский. Ученый обнаружил большую группу четверостиший, включаемых средневековыми переписчиками не только в «Рубайат» Хайяма, но и в собрания стихов других поэтов, среди которых были как предшественники, так и те, кто жил позже его. Таким образом, очертить реальные границы творчества самого Хайяма с помощью апробированных методов текстологического анализа оказалось практически невозможно. Тем не менее специалисты не оставляют попыток выделить подлинное авторское ядро «Рубайата», хотя и количество, и состав четверостиший в разных рукописях колеблется в достаточно широких пределах.

И все же есть во всей тематической и жанровой разногласии, объединенной именем Хайяма, довольно узкий круг четверостиший, изумляющих своей предельной логической точностью, философской весомостью, мрачной и дерзкой иронией. В этих стихах, как бы помеченных одной печатью, поэтический почерк Хайяма, крамольного философа, скептика и богоборца, неповторим и узнаваем. Эти стихи — спор с Богом о разумности и справедливости мироустройства, спор, который бесстрашный ученый, вечно сомневающийся и бунтующий, вел всю свою жизнь. Хайям насыщает народную песенную форму несвойственными ей ранее темами рефлексивной лирики, характерными для иных видов поэзии.

Омар Хайям не был единственным поэтом, задававшим себе и небу мучительные вопросы, однако он, по-видимому, был первооткрывателем этой темы в *рубайи*, освоившим крошечное замкнутое пространство четырех строк для разговора с Богом о месте человека во вселенной. Среди очевидных предшественников Хайяма, подвергавших философскому сомнению религиозные истины, следует назвать гениального арабского поэта-мыслителя Абу-л-Ала ал-Маари (973–1057), со стихами которого его персидский собрат по перу, скорее всего, был знаком. Ал-Маари творил на другом языке, в иных поэтических формах, но его волновали те же коренные философские и религиозные проблемы: Божественное предопределение и свобода воли человека, грех и воздаяние, бренность земного бытия и бессмертие души.

Достаточно прочитать лишь одно стихотворение, чтобы уловить знакомые нам по хайямовским четверостишиям нотки скепсиса и недоумения по поводу вселенских законов бытия, которые принято полагать изначально разумными и справедливыми, как все созданное Творцом:

Если воли свободной преступник лишен,
То его не по праву карает закон.

Вседержитель, когда Он руду создавал,
Знал, что эта руда превратится в металл.

Чем убийца коня подковал? Из чего
Меч, румяный от крови, в руках у него?

Ты на пламень сомнений летишь — не спеши!
Опасайся пожара смятенной души!

(Перевод А. Тарковского)

По части «смятения души» с ал-Маари вполне мог посостязаться еще один выдающийся поэт-философ, оставивший глубокий след в литературе на персидском языке. Это уже упоминавшийся Насир Хосров, поэт, философ, проповедник исмаилитской религиозно-философской доктрины. Результаты его миссионерской деятельности среди народов, населявших Памир, таковы, что там его до сих пор почитают как пророка. Его стихи, ставшие ритуальными текстами, чи-

таются во время важнейших священнодействий и обрядов. Ярый сторонник исмаилизма, Насир Хосров был по натуре мыслителем не меньше, чем религиозным деятелем, и постоянно пытался подвергнуть основы веры проверке доводами разума и опыта. Наталкиваясь на стену противоречий, он обращался с мольбой к Господу просветить его несовершенный ум, но получалась у него на деле нескончаемая череда бунтарских вопросов, остававшихся без ответа:

Если созданы мы только для молитв —
Для чего Ты создал дьявола, Господь?
Много слов для разговора я припас —
Страху все же не могу я побороть.

Не могу в своем неверии принять
От подвижников невежественных весть.
Слово разума я только признаю:
Перл — в жемчужных только раковинах есть...

Если создал Ты хороших и дурных,
В наказаньях и наградах смысла нет.
Безупречных Ты иметь желаешь слуг?
Нас, плохих, зачем Ты выпустил на свет?

По природе я — железная руда:
Содержать в себе алмазы не могу.
Сотни раз меня в горниле переплавь,
Я все тот же, пред которым Ты в долгу.

Зло даешь и получаешь плату злом —
Чем Ты лучше в этом случае меня?
Пусть я плох — но я Тобою сотворен...
Я не нравлюсь — так не делал бы меня!

(Перевод А. Адалис)

Облекая те же мотивы в форму *рубай*, Омар Хайям приспособлял их к специфическим условиям малой поэтической формы, которая требует чрезвычайной экономности в применении средств поэтической выразительности и высокой концентрации смысла. Здесь на помощь Хайяму-поэту приходил Хайям-философ, мастер четких определений, безупречных с точки зрения логики. Кроме того, в пер-

сидской классической поэзии чрезвычайно устойчивой была традиция афористической мудрости: многие поколения поэтов трудились над созданием ярких, запоминающихся и емких изречений (*хикмат*, букв. «мудрость»), часть которых становилась пословицами и крылатыми выражениями, обретая вечную жизнь в устной передаче. Опираясь на свой аналитический, острый ум, используя опыт народного и литературного красноречия, Хайям создал удивительно гибкую жанровую форму, способную вмещать и глубину философской мысли, и колкость злой эпитагмы, и веселье застольного куплета, и нежность любовной зарисовки.

Язвительность автора, скептический склад его ума способствовали тому, что в образном арсенале его рефлексивной лирики попадались вкрапления «чужеродные», более свойственные жанру пасквиля и осмеяния. Кстати, в репертуаре придворной поэзии четверостишие имело весьма развитую «деловую» и «смеховую» ипостась: в этой форме обменивались приглашениями и любовными записками, взаимными колкостями и обвинениями, обращались с просьбами и извещали о происшествиях, слагали шуточные экспромты и зашифровывали памятные даты. Хайям в пору своей кратковременной и не слишком приятной службы при Туркан-хатун, вдовы Малик-шаха, не чуждался, видимо, такого рода сочинительства, ибо ему приписывают оскорбительную эпитагму на повелительницу, которая вполне могла послужить причиной заката придворной карьеры ученого астролога. Вот это четверостишие, в котором, помимо прямого выпада против государыни, содержится намек на смуту в государстве:

Увы! Душистым теплым хлебом недопеченные владеют,
Увы! Сокровищ совершенством несовершенные владеют,
Туркан-хатун прекрасны очи — отрада сердца для глядящих,
Увы, ведь ими безраздельно рабы безусые владеют.

(Перевод М. Рейснер)

Хайям намекает на весьма интимные отношения государыни с юными рабами, которые часто входили в ближнюю свиту правителей и могли оказывать на них влияние даже при решении государственных вопросов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Рейснер. Мудрец из Нишапура</i>	5
---	---

РУБАИ

І. Гончарный круг жизни и смерти

«Не допускай, чтобы тоска в груди твоей кипела...» <i>Перевод В. Державина</i>	40
«Тот фиал, что был красив и нов...». <i>Перевод А. Старостина</i>	41
«Росток мой — от воды небытия...». <i>Перевод В. Державина</i>	42
«Приятелей сердечных пожрала пустота...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	42
«Те, кому была жизнь полной мерой дана...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	44
«Когда последний день придет ко мне...». <i>Перевод В. Державина</i>	47
«Строителя увидел я, что возводил жилье...». <i>Перевод В. Державина</i>	49
«Кто в чаше Жизни капелькой блеснет...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	49
«Веселись! В мире все быстротечно, мой друг...» <i>Перевод Гл. Семенова</i>	49
«Ах, судьбою-косцом нам подобных ужель мало скошено?...» <i>Перевод А. Старостина</i>	50
«Сотрутса со скрижалей имена...». <i>Перевод В. Державина</i>	51
«Я у горшечника купил кувшин однажды...». <i>Перевод А. Старостина</i>	52
«Мир — мгновенье, и я в нем — мгновенье одно...» <i>Перевод В. Державина</i>	52
«Мудрый старец, рассветает! Встать тебе пораньше надо...» <i>Перевод А. Старостина</i>	54

«Жизнь твою режут острой косой ночи и дни...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	55
«Дай кувшин вина и чашу, о любимая моя...». <i>Перевод А. Старостина</i>	56
«От зенита Сатурна до чрева Земли...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	57
«Не буду часа ждать, когда умру...». <i>Перевод В. Державина</i>	58
«Если ты не слепой, мглу могильную зри!...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	59
«Скорей приди, исполненная чар...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	60
«Мы не надолго в этот мир пришли...». <i>Перевод В. Державина</i>	61
«Руины прошлого размыл разлив. И краше...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	62
«Пламенея, тюльпаны растут из земли...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	62
«Где сонмы пировавших здесь до нас?...». <i>Перевод В. Державина</i>	65
«Вино дано мне, музыка и пенье...». <i>Перевод В. Державина</i>	65
«Мы разгадки вечной тайны не нашли...». <i>Перевод А. Старостина</i>	65
«Если только ты наступишь на колючку, друг, неожиданно...»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	66
«Как много нашей крови пролил бессудный этот небосвод...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	69
«По желанью мудрецов не вертится небосвод...»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	70
«Этот свод голубой и таз на нем золотой...». <i>Перевод В. Державина</i>	71
«Здесь башня в старину до туч вставала...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	72
«Когда твой светлый дух покинет тело...». <i>Перевод В. Державина</i>	73
«Пусть, как огонь, сквозь воздух мы пройдем...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	75
«Эту чашу искусные руки лепили...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	76
«Тот горшечник, что вылепил головы наши...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	78
«Предстанет Смерть и скосит наяву...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	79
«Дождем весенним освежен тюльпан...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	80
«Сосуд из глины влагой разволнуй...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	80
«Что алый мак? Кровь брызнула струей...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	83
«Над зеркалом ручья дрожит цветок...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	83
«Гончар лепил, а около стоял...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	84
«Гончар. Кругом в базарный день шумят...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	86
«Кувшин храбрится: „Да, я из земли!“...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	86

«Другой спокоен: „Даже будь сердит...“». Перевод И. Тхоржевского	87
«Жил пьяница. Вина кувшинов семь...». Перевод И. Тхоржевского	88
«Еще болтун-горшок. Довольно стар...». Перевод И. Тхоржевского	89
«Многих владык на своем беспокойном веку...». Перевод В. Зайцева	90
«Валялся в развалинах череп царя...». Перевод В. Зайцева	91
«Сияли зори людям и до нас!...». Перевод И. Тхоржевского	92
«Глянь на месящих глину гончаров...». Перевод В. Державина	93
«Вновь распускаются розы под утренним ветерком...» Перевод В. Державина	94
«Знай, в каждом атоме тут, на земле, таится...» Перевод И. Тхоржевского	95
«Грозит нам свод небесный бедой — тебе и мне...» Перевод И. Тхоржевского	97
«Нет гончара. Один я в мастерской...». Перевод И. Тхоржевского	99
«Ты — воин с сетью. Уловляй сердца...». Перевод И. Тхоржевского	100
«О, если бы в пустыне просиял...». Перевод И. Тхоржевского	100
«Взгляни и слушай. Роза, ветерок...». Перевод И. Тхоржевского	102
«Бог создал звезды, голубую даль...». Перевод И. Тхоржевского	103
«Бог — в жилах дней. Вся жизнь — Его игра...» Перевод И. Тхоржевского	104

II. Глушцы и мудрецы, или Философия жизни

«Пусть буду я сто лет гореть в огне...». Перевод В. Державина	106
«Когда фиалки льют благоуханье...». Перевод В. Державина	107
«Напейся, забудь даже, кто ты такой...». Перевод В. Зайцева	108
«Ты половину хлеба добыл в пищу...». Перевод Ц. Бану	108
«Великие, что знания стяг взметнули...». Перевод Ц. Бану	109
«Созвездия в заоблачной дали...». Перевод Ц. Бану	110
«Тот избранный, кем путь познания начат...». Перевод В. Державина	113
«Я презираю лживых, лицемерных...». Перевод В. Державина	114
«Сверлильщики словесных жемчугов...». Перевод А. Старостина	116
«О сердце, не ищи свидания с больным...». Перевод А. Старостина	116
«Не избежать конца пути земного...». Перевод Ц. Бану	117
«Да, виноградная лоза к пятам...». Перевод И. Тхоржевского	118

«Не смотри, что иной выше всех по уму...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	121
«Твой разум дел мирских не повернет...». <i>Перевод В. Державина</i>	121
«Когда все тайны мира изведаль ты, мой друг...» <i>Перевод А. Старостина</i>	121
«Тужить о чем? Не все ли мне равно...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	122
«Сейчас, сейчас, коль можешь ты, пойдй...». <i>Перевод А. Старостина</i> ...	122
«Влагу доброй лозы — ведь невинна она! — не пролей!...» <i>Перевод А. Старостина</i>	124
«Посыпь же главу прахом, друг, и неба и земли...» <i>Перевод А. Старостина</i>	126
«Из кожи, мышц, костей и жил дана Творцом основа нам...» <i>Перевод В. Державина</i>	129
«Зачем имам нам проповедь долбит?...». <i>Перевод В. Державина</i>	130
«Цветком я не закрою солнца свет...». <i>Перевод А. Старостина</i>	130
«Пью не ради того, чтоб ханже насолить...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	133
«Мы дервишеским рубищем жбан затыкали...». <i>Перевод В. Державина</i> ...	133
«Ты, муфтий, нас беспутнее подчас...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	134
«До коих пор унижений позор терпеть от низких людей?...» <i>Перевод В. Державина</i>	136
«Если хочешь покоиться в неге блаженной...». <i>Перевод В. Державина</i> ...	137
«Нет мне единомышленника в споре...». <i>Перевод В. Державина</i>	139
«О, доколе сокрушаться, что из этой майхоны...» <i>Перевод В. Державина</i>	140
«Бык Землю держит испокон веков...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	142
«Покамест ты жив — не обижай никого...». <i>Перевод В. Державина</i>	142
«Долго ль будешь ты всяким скотам угождать?...» <i>Перевод Гл. Семенова</i>	143
«Приемли, что дает круговорот времен...». <i>Перевод В. Державина</i>	144
«Как хотел, так себя ты и тешил всю жизнь...». <i>Перевод Гл. Семенова</i> ...	145
«Если небо враждою опять не повеет — не чудо ли?...» <i>Перевод В. Державина</i>	146
«Я люблю свой кабак, ибо, что ни скажи...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	148
«Просило сердце: „Поучи хоть раз!“...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	149
«Что ищешь радости? Миг — жизни всей итог...» <i>Перевод А. Старостина</i>	150
«О друг, нам время не подчинено...». <i>Перевод В. Державина</i>	151

«И сияние рая, и ада огни...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	151
«Шел в каба́к я, те́пла в сердце веру чистую одну...» <i>Перевод В. Державина</i>	153
«Если сердце захочет свободы и сбросит аркан...» <i>Перевод В. Державина</i>	155
«Можно ль первому встречному тайну открыть?..» <i>Перевод В. Державина</i>	155
«Творенья океан из мглы возник...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	157
«Наполнить камешками океан...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	158
«С людьми ты тайной не делись своей...». <i>Перевод В. Державина</i>	158
«Скорбеть о скорби будущей доколе?...». <i>Перевод В. Державина</i>	158
«Доколе жаловаться мне, свое невежество кляня?..» <i>Перевод А. Старостина</i>	160
«О живущий в плену четырех стихий и семи планет!..» <i>Перевод В. Державина</i>	160
«Познай все тайны мудрости! — А там?...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i> ...	163
«Коль ищешь ты, чем пропитаться б мог...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	163
«Слезами омываясь в день трикраты...». <i>Перевод В. Державина</i>	164
«Коль в роде отличишь моем ты признак родовой, саки...» <i>Перевод В. Державина</i>	166
«К познанию божества прямым путем идущий...». <i>Перевод Ф. Корша</i> ...	166
«Гостившие здесь прежде поколения...». <i>Перевод В. Державина</i>	167
«Коль станешь твердым — как копьё начнут тебя метать...» <i>Перевод В. Державина</i>	169
«Под вечным куполом всю жизнь мечась, ты все ж...» <i>Перевод В. Державина</i>	169
«Твой дух почуяла душа в струе зефира...». <i>Перевод Ф. Корша</i>	170
«Зачем томишь ты ум в кругу исканий строгом...» <i>Перевод Ф. Корша</i>	171
«Ты муж, коли властвовать в силах собою...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	172
«Если в прах ты, судьбою униженный, пал...». <i>Перевод В. Державина</i> ...	172
«Ты обойден наградой? Позабудь...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	174
«Дорогой веры следует идти...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	176
«Хоть превзойдешь наставников умом...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i> ...	177
«Подвижники изнемогли от дум...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	177
«Вино — не только друг. Вино — мудрец...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i> ...	178

«Завел я грядку Мудрости в саду...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	179
«Будь мягче к людям. Хочешь быть мудрей?...» <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	181
«Закрой Коран. Свободно оглянись...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	181
«Из мудрости ныне халат не скроишь...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	183
«Умы мудрейшие, ученые мужи...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	183
«О тайнах сокровенных невеждам не кричи...» <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	184
«Рок громоздит такие горы зол...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	186
«Не доверяй ханжей пустому суесловью...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i> ...	188

III. Так устроен мир, или Спор с Богом

«В этом году в Рамазане цвет распустился в садах...» <i>Перевод В. Державина</i>	190
«Эмиром делает меня, несет мне чашу небосвод...» <i>Перевод В. Державина</i>	190
«Я болен, духовный недуг мое тело томит...». <i>Перевод В. Державина</i> ...	193
«Я буду пить, пока мой век во тьму не канет...» <i>Перевод В. Державина</i>	193
«А скоро, говорят, наступит строгий пост...». <i>Перевод А. Старостина</i> ...	194
«Всех нас в харабате нашли, в майхану привели...» <i>Перевод В. Державина</i>	194
«Судьбу того решили уж давно...». <i>Перевод В. Державина</i>	195
«Из тех, что мир прошли и вдоль и поперек...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	196
«Если некто, у нас не спросясь, наши судьбы предначертал...» <i>Перевод В. Державина</i>	198
«Лицемеры, что жизнью кичатся святой...». <i>Перевод В. Державина</i>	199
«Бог дает, Бог берет — вот и весь тебе сказ...». <i>Перевод Гл. Семенова</i> ...	199
«Нет, никто не раскрывал тайн извечных бытия...» <i>Перевод А. Старостина</i>	200
«Жизнь — то шербет на льду, а то — отстой вина...» <i>Перевод В. Державина</i>	201
«Все не по-нашему свершается кругом...». <i>Перевод В. Державина</i>	202
«А вот, — вставляет кто-то, — говорят...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	202
«Зачем сначала ты явил такую милость...». <i>Перевод А. Старостина</i> ...	205

«Приход мой небу славу не доставил...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	205
«Я на чужбине сердцем изнываю...». <i>Перевод В. Державина</i>	206
«Пришел я в этот мир по принуждению...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	206
«Я смерть готов без страха повстречать...». <i>Перевод В. Державина</i>	209
«Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?...» <i>Перевод В. Державина</i>	209
«Моя будь воля — не родился б я...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	210
«Мы только куклы, вертит нами рок...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	210
«Если небо враждует со мной — я готов в бой...» <i>Перевод В. Державина</i>	212
«Ах, где надежный друг? Ему я расскажу...». <i>Перевод А. Старостина</i> ..	213
«О, не сам по себе я прошел этот путь...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	213
«Боже, Ты великодушен, не боюсь я наказания...» <i>Перевод А. Старостина</i>	214
«Небо! Вечно в сражении ты и в борьбе со мной...» <i>Перевод В. Державина</i>	214
«О вращенье небес! О превратность времен!...». <i>Перевод Гл. Семенова</i> ..	216
«О мой избранник, о старинный друг!...». <i>Перевод А. Старостина</i>	218
«На миг один избавься от забот...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	219
«Я небосводом брошен на чужбину...». <i>Перевод В. Державина</i>	219
«Хотя стройнее тополя мой стан...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	220
«Поток времен свиреп, везде угроза...». <i>Перевод К. Бальмонта</i>	220
«Эй, небосвод неразумный! Хоть властен ты в каждой судьбе...» <i>Перевод В. Державина</i>	222
«Твердят, будто пьяницы в ад угодят...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	225
«Моей скорби кровавый ручей сотни башен бы снес...» <i>Перевод В. Державина</i>	226
«Защитник подлых — подлый небосвод...». <i>Перевод В. Державина</i>	227
«Да, жребий мертвеца не так, как мой, тяжел...» <i>Перевод А. Старостина</i>	228
«Сулят мне: в эдеме уладу найдешь...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	228
«Все — и зло, и добро, что людская скрывает природа...» <i>Перевод В. Державина</i>	230
«Не знаю тайны я вращенья небосвода...». <i>Перевод В. Державина</i>	230
«Звездный купол — не кровля покоя сердец...» <i>Перевод В. Державина</i>	232

«Любовь — роковая беда, но беда — по воле Аллаха...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	234
«Твое тело, Хайям, лишь палатка в пути...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	235
«Все беды от твоей извечной злобы...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	235
«Когда совершается все не по нашим желаньям...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	236
«Ни в мечеть я, ни в церковь, друзья, ни ногой!..»	
<i>Перевод Гл. Семенова</i>	238
«Доколе дым кумирни прославлять...». <i>Перевод В. Державина</i>	238
«В мечетях, в храмах, в капищах богов...». <i>Перевод В. Державина</i>	241
«Посмотри: все, чего я добился, — ничто...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	243
«Не убивай меня, небо, в своем опьяненье!..». <i>Перевод В. Державина</i>	243
«Мне, Боже, надоела жизнь моя...». <i>Перевод А. Старостина</i>	244
«О, если бы крылатый ангел мог...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	244
«О небосвод, я от тебя терплю мучения всегда...»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	245
«Мгновеньями Он виден, чаще скрыт...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	246
«Чужой стряпни вдыхать всемирный чад?!..»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	246
«Повторенье, подражанье — мира этого дела...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	248
«Ты расставляешь западни на всех путях моих...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	248
«Из глины Адам — первородич народов Земли...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	251
«В чем держится душа моя живая?..». <i>Перевод В. Державина</i>	252
«Когда бы жестокой судьбы письмена...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	252
«Сотни капканов расставил Ты мне на пути...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	253
«Будь я властен над судьбами вечных миров...». <i>Перевод В. Зайцева</i>	254
«Ты наше сердце в грязный ком вложил...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	255
«Добро и зло враждуют: мир в огне...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	255
«Мяч брошенный не скажет „Нет!“ и „Да!“...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	257
«Разум смертных не знает, в чем суть Твоего бытия...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	257
«О небо, ты души не чаешь в подлецах...». <i>Перевод В. Державина</i>	259

«Пусть я восстал, мятежный. Ты, всепрощенье, где?..»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	260
«Там, в голубом небесном фонаре...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	262
«Ты налетел, Господь, как ураган...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	263
«Мои заслуги точно, все до одной сочти...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	263
«Глину мою замесил мой Творец, что я поделать могу?..»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	264

IV. Рай земной весны — рай земной любви

«Чуть розы станут чашами с вином...». <i>Перевод В. Державина</i>	266
«От притворной любви — утolenия нет...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	266
«Вино — это крылья влюбленных, исполненных пыла...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	268
«До щек ее добраться — нежных роз?...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	269
«В харабате, в обители чистых душою мужей...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	270
«Отрекусь от поста и пещер в этом мире земном...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	272
«Не холоден, не жарок день чудесный...». <i>Перевод В. Державина</i>	274
«Радуйся! Снова нам праздник отрадный настал!..»	
<i>Перевод В. Державина</i>	276
«Достав вина два мана, не желей...». <i>Перевод В. Державина</i>	279
«О мой шах, без певцов, и пиров, и без чаши вина...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	280
«Лепешка из пшеничного зерна...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	281
«Уж наступил рассвет. Питомец нег, вставай...»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	282
«Красавица, — ей я желаю счастливей удела!..»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	282
«Рубин огромный солнца засиял...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	285
«Расстилатель ковров — служит ветер весны нам сегодня...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	287
«Из веселого места иду я вчера...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	288
«Смеялась роза: „Милый ветерок...“». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	289

«В дни цветения роз свою волю с цепей я спущу...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	290
«Любя тебя, сношу я все упреки...». <i>Перевод А. Старостина</i>	292
«Друзья, дадим обет быть вместе в этот час...». <i>Перевод В. Державина</i>	292
«Сердце, воспрянь! Мы по струнам рукой проведем...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	293
«Мы розы превратим в вино, дадим живой хмельной огонь им...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	294
«Петь так петь, — соловьи всё дружней и дружней...»	
<i>Перевод Гл. Семенова</i>	297
«Вы мне говорите: „Ты хоть меньше пей!“...». <i>Перевод В. Державина</i>	299
«Коль день прошел, о нем не вспомяни...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	299
«Друг, твое вино питает существо мое живое...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	300
«Как знать, подруга, что нас завтра ждет...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	301
«С фиалом в руке, с локоном пери — в другой...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	302
«Саки! Печалью грудь моя полна...». <i>Перевод В. Державина</i>	303
«О кравчий! Цветы, что в долине пестрели...». <i>Перевод В. Державина</i>	303
«Чаша эта, что милый мне кравчий нальет, — моя вера...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	305
«Люблю вино, ловлю веселья миг...». <i>Перевод Ц. Бану</i>	306
«Опять, как в пору юности моей...». <i>Перевод В. Державина</i>	309
«О кравчий, старое вино — моя старинная любовь...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	311
«Этот ценный рубин — из особого здесь рудника...»	
<i>Перевод К. Бальмонта</i>	313
«Изначальней всего остального — любовь...». <i>Перевод Гл. Семенова</i>	313
«Чаша вина мне дороже державы Кавуса...». <i>Перевод В. Державина</i>	315
«Коль есть красавица, вино и чанга звон...». <i>Перевод В. Державина</i>	316
«Когда нам пира в мире не дано...». <i>Перевод В. Державина</i>	317
«Блажен, кто в наше время свободным шел путем...»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	319
«Весна. Желанья блещут новизной...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	319
«Почему стремиться к раю здесь должны мы непременно?...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	321

«Радости сердце мое не познало — горе мешало...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	321
«Каждый, в ком пламенеет любовь без конца и без края...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	322
«Чтоб жить в раю, я создан был всевышней силою небесной...»	
<i>Перевод А. Старостина</i>	322
«Будь весел в эти мгновенья, в которые ты живешь...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	323
«Где вы, друзья, враги, где пери, дивы...». <i>Перевод В. Державина</i>	324
«Душа ни тайн вселенной не познала...». <i>Перевод В. Державина</i>	324
«Пей! И в огонь весенней кутерьмы...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	326
«Если хочешь, чтоб крепкой была бытия основа...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	327
«Лучше в жизни всего избежать, кроме чаши вина...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	327
«Коль можешь, не тужи о времени бегущем...». <i>Перевод В. Державина</i> ..	329
«Проходит странно дней земных круговорот...». <i>Перевод В. Державина</i> ..	329
«Коль ты кумир — отныне чтить кумиров буду я...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	330
«Любимая в ночи ко мне пришла...». <i>Перевод В. Державина</i>	330
«Я ангелом считал ее — луну...». <i>Перевод В. Державина</i>	332
«Наполнив жизнь соблазном ярких дней...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	335
«Стихий — четыре. Чувств как будто пять...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	336
«Вплетен мой пыл вот в эти завитки...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	336
«Для раненой любви вина готовь!...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	338
«Пока хоть искры ветер не унес...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	338
«Любви несем мы жизнь — последний дар!...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	341
«Я снова молод! Алое вино...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	341
«Кто розу нежную любви привил...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	343
«Не дай тискам пенала себя зажать, Хайям!...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	344
«В полях — межа. Ручей. Весна кругом...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i> ...	346
«Подстреленная птица — грусть моя...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	347

«Мой дух скитаньями пресытился вполне...»	
<i>Перевод В. Державина</i>	348
«Росинки на тюльпане — жемчужины цветка...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	348
«Казнись и душу Вечности готовь...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	350
«Вселенная? — Взор мимолетный мой...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	352
«Шиповник алый нежен? — Ты нежней...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	352
«Древо печали ты в сердце своем не сажай...». <i>Перевод К. Бальмонта</i>	355
«От веры к бунту — легкий миг один...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	356
«Сегодня оргия, с моей женой...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	356
«Люблю тебя и слышу со всех сторон укор...»	
<i>Перевод И. Тхоржевского</i>	358
«Вино и губки милой... Да, это истощит...». <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	361
«Бди ночью: в ночь для тайн любовники все в сборе...»	
<i>Перевод Ф. Корша</i>	362
О МОЛОДОМ ВИНЕ, ХОРОШЕМ ПЕРЕ И КРАСИВОМ ЛИЦЕ	363
Словарь	392

Омар Хайям

О 57 Рубаи / Омар Хайям ; пер. К. Бальмонта, Ц. Бану, В. Державина и др. ; иллюстрации П. Бунина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-389-07536-8

Великий поэт и выдающийся ученый Омар Хайям родился в городе Нишапуре в 1048 году. Его перу принадлежит ряд трудов по философии, астрономии и математике, причем в области математики он на несколько веков опередил своих современников. Сегодня научные труды Хайяма известны в основном лишь специалистам по истории науки. Всемирную же славу Омару Хайяму принесли его четверостишия — рубаи, лирический герой которых пытается понять мироздание, постигнуть природу человека и Бога.

В настоящем издании стихотворения Хайяма, а также его прозаические тексты сопровождаются великолепными рисунками художника Павла Бунина.

УДК 821.222.1
ББК 84(0)4

Литературно-художественное издание

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Валерия Макарова
Корректоры Лариса Ершова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.06.2018. Формат издания 70 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30,42.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“» 04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BHK-15538-01-R